

---

Собрание сочинений в девяти томах

М., "Художественная литература", 1979

Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

---

НЕПОСТИЖИМАЯ. Владимира Филимонова. Санкт-Петербург. В тип. III отделения е. и. в. канцелярии. 1841. Пять частей: в I-й части 252, во II-й - 264, в III-ей - 227, в IV-й - 207, в V-й - 216 стр. В 12-ю д. л.

Автор "Обеда" и "Дурацкого колпака" - шуточных произведений, написанных резво, бойко и не претендующих на высокое место в литературе, - выступает теперь на поприще романиста. "Непостижимая", если не ошибаемся, первая попытка его в этом роде {1}. Не будем рассказывать содержание этого романа, ни судить об идее его - по причинам, о которых нет надобности говорить и о которых почтенный автор, вероятно, сам догадается. Но вот что считаем нужным заметить ему.

В произведениях литературы идея является двояко. В одних она уходит внутрь формы и оттуда проступает во всех оконечностях формы, согревает и просветляет собою форму, - это идея жизненная, творческая, возникшая не через рассудок, но непосредственно, - не сама собою, но вместе с формой; это создания изящные, художественные. Другая идея рождается в голове автора независимо от формы - форма сочиняется им особо и потом прилаживается к идее. Из этого выходит, что сочинение, умное по идее (то есть по намерению автора), не заслуживает никакого внимания по форме. Причина очевидна: светлый взгляд на жизнь, глубокое чувство - могут быть достоянием многих, но способность выражать в поэтических формах свои взгляды на жизнь, свое глубокое чувство, - достояние немногих избранных. Можно быть поэтом в душе, в чувстве, в жизни, даже в политической и гражданской деятельности, - и не быть поэтом в искусстве и литературе. Кто понимает поэзию, тот уже одарен поэтической душой; но этого еще мало, чтобы самому быть поэтом: для этого нужно быть одаренным от природы творческою фантазиею, которая одна составляет исключительное достояние поэта, отличающее его от не-поэтов. После этого объяснения нашим читателям отнюдь не должно показаться странным, когда мы скажем, что если б идея романа г. Филимонова и понравилась кому-нибудь, то едва ли кому может понравиться его исполнение.

Начнем с того, что в "Непостижимой" нет ни одного характера: все это образы, которые отличаются друг от друга только именами и теми отношениями, в каких автор поставил их друг к другу (то есть назвав одного мужем, другого любовником, третью любовницею). Лиц в романе довольно много; но их круг связан механически и, кроме трех главных лиц (мужа, жены и друга), все другие кажутся совершенно лишними: исключите их - и роман не проиграет. Но всех неудачнее введено в конце романа лицо Клементины: она без всякой нужды наполняет пятую часть, которая оттого и не кажется слишком тощею в сравнении с четырьмя первыми. Весь роман очень растянут; он весьма удобно уместился бы и в одной части; даже в двух ему было бы просторно. От этого действие в нем тянется утомительно: везде слова и фразы, редко мысли и картины. Является ли на сцену новое лицо - автор начинает его описывать, вместо того чтоб заставить это лицо говорить и действовать за себя. Эти описания так часты и так длинны, что роман по справедливости может быть назван описательным, следовательно антипоэтическим, потому что описание относится к поэзии точно так же, как мороз к жару или вода к вину: поэзия не описывает предмета, а показывает его. Притом же описания автора так общи, так бледны, так лишены всякой образности, так богаты словами и так небогаты содержанием, что по ним трудно составить себе какое-нибудь представление об описываемом лице или событии. Вся первая часть романа заключается в описании поэтического развития чувства в сердце героя; но вы не видите этой постепенности и должны верить на слово автору. Возьмите письма Вертера {2}, читайте их от первого до последнего, - и вы почувствуете, как с каждым из них ускоряется биение пульса у жертвы несчастной любви, как глубже и глубже входит страсть в тайники его духовной жизни и овладевает ими. Вертер пишет к своему другу не об одной своей страсти, но и о своих занятиях, о Гомере, о своих воззрениях на жизнь: ибо смешно было бы видеть человека,